

А. А. Федотова

Пушкинский контекст «египетской» повести Н. С. Лескова «Гора»

Повесть Н. С. Лескова «Гора» (1890) рассматривается как сложное художественное единство, особенности семантики и стиля которого формируются на основе диалога нескольких литературных систем. Анализируются способы актуализации и принципы художественного истолкования Лесковым пушкинского текста, определяются функции включения автором повести в широкий диалогический контекст.

Ключевые слова: Лесков, Пушкин, диалог, пародия, романтизм, интертекстуальность художественный образ, индивидуальный стиль, мотив, реминисценция.

А. А. Fedotova

Nicolay Leskov's "Egyptian" Story "The Mountain" in the Context of Alexander Pushkin's Works

In the article Nicolay Leskov's story "The Mountain" (1890) is examined as a complex artistic unity, semantic and style features of which are formed on the basis of a dialogue of several literary systems. Leskov's methods of Pushkin's text actualization and principles of his art interpretation are analyzed, functions of the story's inclusion into a wide dialogical context are defined.

Ключевые слова: Leskov, Pushkin, an individual style, an image, a motive, reminiscence, a dialogue, parody, romanticism, intertextuality.

Повесть Н. С. Лескова «Гора» (1890) представляет собой переложение проложного сказания «Слово о кузнеце, иже молитвою сотвори воздвигнутися горе и вověрещися въ ниль реку». Между тем, используемый Лесковым эпиграф из повести А. С. Пушкина «Египетские ночи» (1837) и жанровое обозначение произведения («египетская повесть») служат сигналом включения текста в более широкий диалогический контекст. Установка Лескова на диалог предполагает необходимость интертекстуального анализа произведения, раскрытия системы литературно-стилистических призм, через которые пропущены изображаемые писателем события. Рассмотрим текст Лескова в контексте повести Пушкина и определим специфику актуализации писателем пушкинского произведения.

В основе композиции «Слова о кузнеце, иже молитвою сотвори воздвигнутися горе и вověрещися въ ниль реку» лежит принцип параллелизма. Сказание строится на сопоставлении двух эпизодов: сцены соблазнения кузнеца Зенона и сцены движения горы Адер. Перерабатывая текст Пролога, Лесков сохраняет событийный ряд и композицию претекста. Преобразование средневековой легенды связано с привлечением в качестве диалогизирующего фона для ключевых эпизодов произведения повести «Египетские ночи»

А. С. Пушкина. Обращение Лескова в 1887 г. к творчеству Пушкина вообще и к опубликованному в 1837 г. «Египетским ночам» в частности неслучайно. 80-е гг. XIX в. – период всплеска общественного и научного интереса к деятельности Пушкина. С всенародным празднованием юбилея поэта, открытием памятника Пушкину в Москве 6–8 июня 1880 г., учреждением носящей его имя премии в 1881 г. были связаны повышенное внимание издателей к публикации сочинений Пушкина, выпуск архивных и биографических материалов, появление критических статей и исследований [1]. Среди опубликованных «Русским архивом» материалов была и изданная в 1882 г. подборка подготовительных отрывков к «Египетским ночам», один из которых стал источником эпиграфа для повести Лескова [4, с. 606].

Своеобразие диалога, возникающего между «Египетскими ночами» Пушкина и «египетской повестью» Лескова, связано с репрезентацией в последней мотива торгового и мотива художника.

1. Мотив торгового. Мотив торгового в «Египетских ночах» Пушкина является одним из главных контрапунктных мотивов, соединяющих прозаические и поэтические эпизоды. Он основан на сюжетной параллели между страстным торгом Клеопатры, продающей свою любовь, и «продаю-

щим» свое вдохновение публике импровизатором.

В повести Лескова мотив торга возникает в связи с эпизодом соблазнения Зенона богатой антиохийкой Нефорой. Интертекстуальная связь с повестью «Египетские ночи» подчеркивается введением реминисценции к тексту второй импровизации: «Все до сих пор искали внимания её, – и вот человек, кого она ищет... Она предлагает себя... **Она себя продает** <...> Это ей ново, и дико, и страстно желанно» [3, с. 18] (выделение Н. С. Лескова. – А. Ф.). Выделенные курсивом автора слова являются отсылкой к монологу Клеопатры: «Кто к торгу **страстному** приступит?/**Свою любовь я продаю**;/**Скажите: кто меж вами купит/Ценою жизни ночь мою?**» [7, с. 416] (выделение наше. – А. Ф.).

В новом контексте мотив торга подвергается снижению. Лесков снимает экзистенциальную напряженность конфликта: Нефора готова обменять свою любовь не на жизнь, а на роскошные украшения. Вводя ответные реплики соблазненного Зенона, писатель акцентирует внимание на безнравственной составляющей поступка героини, которая не была заострена в претексте: «Миг вместо союза на целую жизнь – это нечестное дело, Нефора <...> Отбрось этот миг и не дай мне несчастья унизить себя и тебя с собою вместе» [3, с. 18].

В ходе повести мотив торга подвергается дальнейшему ироническому переосмыслению, достигая максимального снижения в натуралистическом описании продажи себя цветочницами у подножии горы Адер: «цветочницы предлагали молодым людям купить у них венки и букеты <...> и разбивали наскоро маленькие и очень легкие шелковые шатры <...> юноши покупали цветы <...> и оставались под этими шатрами на столько времени, сколько нужно было» [3, с. 52].

Снижение и пародийное переопределение мотива торга, имеющее игровой характер, является элементом полемики Лескова с романтическим аморализмом, проявляющемся в тексте Пушкина. Подчеркивание этической составляющей предложения Нефоры и введение моральной оценки героев сближают повесть Лескова с текстом проложного сказания.

2. *Мотив художника.* В основе повести «Египетские ночи» лежит проблема творчества. Темы искусства и идеального художника, имеющие программный характер для писателей-романтиков, к 1830-м гг. обретают черты стерео-

типа. Создавая образ Чарского, Пушкин подчеркнуто отталкивается от романтических клише. Так, прозаично и иронически снижено описание внешности поэта: «В своей одежде он всегда наблюдал самую последнюю моду с робостью и суеверием молодого москвича, в первый раз отроду приехавшего в Петербург» [7, с. 406] и его жилища: «В кабинете его, убранном как дамская спальня, ничто не напоминало писателя; книги не валялись по столам и под столами; диван не был обрызган чернилами; не было такого беспорядка, который обличает присутствие музы и отсутствие метлы и щетки» [7, с. 406]. Своеобразие решения Пушкиным проблемы человека искусства определяется утверждением им раздвоенности бытия поэта: жизнь Чарского разделена между часами светского рассеяния и мгновениями истинного творчества, а импровизатор соединяет в себе творческий дар с «простодушной любовью к прибыли» [7, с. 412].

Создавая образ главного героя повести «Гора», Лесков, следуя за заявленным в тексте первоисточника, проложного сказания «Повести о кузнеце», определением Зенона – «златокузнец», акцентирует в нем черты человека искусства. В повести актуализируются следующие традиционные признаки романтического художника:

1) необычность внешности и жилища («огненные чёрные глаза» [3, с. 8], «буйные русые волосы» [3, с. 8], «посередине комнаты на полированном красном порфире красовался бронзовый ибис <...> резко выделялись белые мраморные и лепные фигуры, изображавшие людей и животных» [3, с. 8], «аромат, разливавшийся из красивых, яркою поливой покрытых тазов, в которых рос золотистый мускус и напоял всю атмосферу своим запахом» [3, с. 8]);

2) одиночество, бегство от цивилизации («Зенон, удаляясь от шума, жил за городом в уединённой красивой местности» [3, с. 4]);

3) близость к природе («Вокруг было всё тихо; синее небо расстилось как ровно покрытый шатёр; солнце горело, в воздухе стоял зной; на белом карнизе рядом сидели и пели чёрные дрозды» [3, с. 7]);

4) созерцательность и мечтательность («Зенон был домосед и на свободе любил читать и размышлять <...> он вечерами выходил за порог своей мастерской <...> читал сочинения о высоких предметах или катался по Нилу, сам управляя своею баркой под клетчатый шёлковым парусом» [3, с. 4]).

В отличие от героев повести Пушкина, образ Зенона кажется соответствующим стереотипу художника. Между тем, Лесков наделяет его и чертами, не свойственными романтическому герою. Зенон – модный художник-ремесленник, успешно продающий свои изделия. Вводя эту деталь, писатель снимает конфликт искусства и ремесла, актуальный для романтических повестей 30-х гг., например, для «Портрета» Н. В. Гоголя, в котором создание Чертковым картин на продажу рассматривается как измена призванию, попрание законов искусства. Устраняя внутренний конфликт, Лесков создает идеализированный, непротиворечивый образ Зенона. Подчеркивание писателем цельности, однозначности героя связано с общей ориентацией «Горы» на поэтику средневеково-христианской литературы, стремлением стилизовать текст проложного сказания. Актуализацией характерной для претекста дуальности, четкого разделения добра и зла, высокого и низкого объясняется построение повести на основе резких оппозиций.

Мотив двойственности, характерный для повести Пушкина, находит выражение и в ее стиле. Основной структурный принцип построения «Египетских ночей» – постоянная смена тональности, переход от высоких предметов к низким, от романтической экспрессии к прозаической детали. Пушкин переводит возвышенные романтические образы в земной реальный план, порой даже подчеркнуто снижая их, в связи с чем возникает эффект авторской иронии.

Лесков также применяет используемый и Пушкиным принцип постоянной смены интонаций, колебаний между серьезностью и иронией. Однако в повести Лескова смена авторской интонации всегда мотивирована сменой объекта описания: иронические акценты подчеркивают противопоставление высокой духовности Зенона и безнравственности как язычников, так и служителей церкви. Если в повести Пушкина авторская ирония смягчает контраст между художником и обществом, то стилевая организация «Горы» обостряет характерную для повести дуальность.

Мотив художника традиционно связан с разработкой проблемы взаимоотношения поэта и толпы. Осмысливая достижения современной ему романтической прозы, Пушкин в «Египетских ночах» решает эту проблему в русле обозначенных выше представлений о двойственности поэта: его герои самозабвенно служат искусству, а в остальное время живут в соответствии с нормами общества. Контраст между художником и публи-

кой не абсолютизируется, что было характерно, например, для повестей о художниках Одоевского, и не доводится до крайней точки.

В повести Лескова проблема взаимоотношения художника и публики связана с заострением мотива уникальности в образе Зенона. Однако исключительность главного героя в повести «Гора», в отличие от традиционных для романтизма текстов, посвященных проблеме искусства, связывается не только с его выдающимися творческими способностями («Зенону не было равного <...> по художеству» [3, с. 4], «Все именитые женщины обоих наперебой непременно хотели иметь украшения, сделанные этим искусным мастером» [3, с. 4]), но и с редкими нравственными качествами («Зенон был скромен и от почета всегда удалялся» [3, с. 4], «Душа этого человека точно не знала страха» [3, с. 61]). Привнесение в повесть нравственной и религиозной проблематики (Зенон – потаенный христианин) мотивировано установкой Лескова на переложение средневековой христианской легенды. Между тем, в отличие от проложного сказания, выдвигающего на первый план духовную жизнь героя в ущерб творческому началу, Лесков подчеркивает слитность обеих сторон личности Зенона.

Кульминационным в развитии проблемы взаимоотношения художника и толпы в «Горе» является эпизод молитвы Зенона на горе Адер. Лесков последовательно проводит параллели между молитвой героя и зрелищем, представлением: «осмеять христианскую веру всенародно в глазах тысяч зрителей» [3, с. 40], «бегство епископа <...> угрожало опасностью – оставить зрителей без актеров» [3, с. 48], «Нефоре казалось, что она видит не мученика <...> а актера – так всякое движение Зенона было красиво и нежно, а в то же время исполнено достоинства и силы» [3, с. 61]. Сравнение центрального эпизода повести с представлением, заданное эпиграфом из повести «Египетские ночи»: «такой случай нынче несбыточен <...> как римские зрелища – игры гладиаторов и зверей» [3, с. 3], актуализируется в тексте повести: «они (христиане – А. Ф.) <...> должны доставить для нас необыкновенное увеселение. Ристалища <...> мы уже много раз видели, и это утратило новизну» [3, с. 45]. Сопоставление молитвы Зенона со зрелищем отсутствует в тексте первоисточника – проложной легенде. Проводя подобные параллели, вызывающие ассоциации с гонениями на христиан первых веков римской империи, Лесков создает

выразительный амбивалентный образ предстоящего действия, в котором веселье язычников контрастно оттеняет смертельную серьезность христиан.

Уподобление молитвы Зенона представлению, подчеркивая аналогию между эпизодом молитвы в «Горе» и сценой импровизации в «Египетских ночах», выделяет и принципиальные различия между подходами к теме взаимоотношения поэта и зрителей в двух текстах. Лесков доводит до предела противопоставление Зенона и собирающихся на «представление» язычников, абсолютизируя противопоставление художника и зрителей. Кроме того, образ художника в повести «Гора» наполняется новыми, не свойственными тексту Пушкина смыслами. Описывая обращение язычников в христианскую религию, следующее за эпизодом молитвы, Лесков подчеркивает учительную роль художника, его нравственный долг перед людьми. Эстетическая проблематика в данном случае подчиняется этической.

Повесть Н. С. Лескова «Гора» представляет собой сложное художественное единство, особенности семантики и стиля которого формируются на основе диалога нескольких литературных систем. Ее рассмотрение в контексте повести Пушкина «Египетские ночи» показывает, что писатель создает такую интертекстуальную систему, в которой отдельные тексты сочетаются на разных уровнях смыслопорождения через мотивы событийного сюжета. «Центр тяжести» смещается в этом случае с события на слово, на ассоциативное сцепление возникающих смыслов.

Глубина образов главных героев повести создается Лесковым не столько благодаря привнесению отсутствующих в проложном сказании психологических характеристик и реалистических мотивировок, но, прежде всего, путем включения повести в широкий диалогический контекст. Образы Зенона и Нефоры построены на основе переосмысления Лесковым главных сюжетобразующих мотивов повести «Египетские ночи». Трансформация готовых мотивов связана с усилением в «Горе» этической проблематики.

Обращаясь к ситуации соблазна, продажи героиней самой себя, Лесков иронически снижает мотив торга, переводя ситуацию из экзистенциального в телесный план. Усиливая этическую составляющую образа Зенона, Лесков переосмысливает выраженную в «Египетских ночах» идею об освобождении художника от власти толпы в момент вдохновения, акцентирует необходимость служения творческого человека людям. Ориентируясь на поэтику средневековой христианской легенды, Лесков снимает характерную для повести Пушкина двойственность образа главного героя. Создавая идеализированный образ Зенона, писатель углубляет противопоставление между художником и обществом, трансформирует внутренний психологический конфликт во внешний. Использование принципа смены авторской интонации, введение иронического начала подчеркивает присущую повести дуальность.

Пародийное переопределение и полемическое освещение актуализируемых в произведении Лескова мотивов сохраняет индивидуальность чужого слова в акте его репрезентации, что позволяет говорить о том, что феномен смысла в повести рождается, обновляется и обогащается только в диалоге, при учете привлекаемых автором контекстов.

Библиографический список

1. Библиографический указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства [Текст] / сост. В. И. Межов. – СПб. : Издание Императорского Александровского лицея, 1886. – 428 с.
2. Лесков, Н. С. Собрание сочинений [Текст] : в 12 т. Т. 10. / Николай Лесков. – М. : Правда, 1989. – 448 с.
3. Лесков, Н. С. Собрание сочинений [Текст] : в 11 т. Т. 8. / Николай Лесков. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 603 с.
4. Петрунина, Н. Н. Проза Пушкина (пути эволюции) [Текст] / Нина Петрунина. – Л. : Наука, 1987. – 335 с.
5. Пушкин, А. С. Собрание сочинений [Текст] : в 3 т. Т. 3. / Александр Пушкин. – М. : Художественная литература, 1987. – 502 с.